

ВИКТОРИЯ КОЛТУНОВА

АЗАМАХА рассказ

Солнце, поднявшееся над Иудейской пустыней, осветило бронзовое зеркало, прислонённое к парапету, ограждавшему край обрыва, извлекло из его глубины золотистое сияние. Зеркало принесли и поставили здесь вчера два чёрных нубийца, слуги военачальника Элизера Бен Яира, для его жены Наамы. Наама примеряла новое платье из зелёного шелка, но оно слишком обтянуло её живот, всего три новолуния оставалось до рождения ребёнка. Азамаха помогала ей одеться. Платье, недавно сшитое, не годилось уже, и вряд ли сгодится после родов, когда увеличится налитая молоком грудь. Подумав, Наама протянула платье Азамахе, своей юной рабыне. У девушки заблестели глаза: какой нежный шёлк, какая роскошь, она и мечтать не смела о таком. Правда, Наама обещала дать ей вольную, когда Азамахе исполнится семнадцать лет, а это будет очень скоро, примерно тогда, когда родится шестой ребёнок Элизера. В честь его рождения Наама дала обет сделать богоугодное дело, отпустить на волю рабыню Азамаху и даже пообещала выдать её замуж за свободного иудея, с хорошим приданым. Мало кто из свободных евреев согласится взять в жены бывшую рабыню, но она родилась в доме уважаемого всеми знатного человека, Элизера Бен Яира, а это много значит. И большое приданое тоже сыграет свою роль.

Азамаха не могла пожаловаться на свою госпожу, Наама всегда обращалась с ней хорошо, девушка не было обижена ни едой, ни одеждой, ни отношением. У евреев рабы находились в положении младших членов семьи, и даже когда хозяева предлагали им волю, а это по иудейским законам происходило каждые шесть лет нахождения раба в доме, некоторые отказывались, давая проколоть себе ухо на пороге дома в знак того, что данный раб принадлежит этому семейству и остаётся в нём добровольно.

Но Азамаха уйдёт обязательно. Она мечтает о свободе, о своём собственном хозяйстве, муже, детях. Ранним утром она прибежала к зеркалу, оставшемуся у парапета, чтобы примерить перед ним новое платье. Лёгкий шёлк охватил её фигуру, оттенил зелёные глаза и ярко рыжие волосы. У Азамахи захватило дух, когда она увидела в зеркале своё тонкое гибкое тело, по которому струился зелёный шёлк, своё лицо, которое было так красиво. Она бережёт это платье до свадьбы, выйдет в нём замуж за свободного человека!

Снизу потянуло дымком, зашкотало ноздри. Это развели утренние костры римляне, осадившие крепость, чтобы готовить на них себе завтрак. Дым от костров отрезвил Азамаху, напомнил, что римляне осаждают Масаду уже три года, и конца и края этой войне не видно. Хотя бы всё окончилось до её семнадцатилетия, тогда они спустятся с горы в Иерусалим, снова будут жить в своём богатом доме, всё потечет по-прежнему, гости, застоья, отъезды Элизера по своим делам и приезды, когда начинается весёлая суматоха, радостный визг детей, беготня служанок с подносами, полными инжира, фиников, винограда, орехов...

Как Азамаха любила эти дни, когда возвращался из поездок господин, и вся огромная семья, свободные слуги и рабы выбегали навстречу, кроме Наамы, которой не приличествовало бегать и суетиться. Она ждала мужа в своих покоях.

Азамаха загрустила, вспомнив свою мать, рабыню Нимейру, белокожую берберку с такими же рыжими волосами, как у Азамахи. Нимейра умерла два года назад от сильной простуды, не помогли ни горячее питье с шафраном, ни разогретые на очаге и уложенные на грудь и спину глиняные таблички, ни даже заговоры старой повитухи Шулы.

Именно Шула рассказала Азамахе историю её появления на свет.

А было так.

В тот день в доме Элизера принимали гостя, финикийского купца из Берита, приехавшего в Иерусалим по своим торговым делам. После ужина гость отправился в свою комнату и вскоре прислал к Элизеру слугу, который передал, что гость жалуется на холод и просит затопить камин: зима в Иерусалиме бывает и холодной. Хозяин распорядился затопить камин, отнести гостю покрывало из верблюжьей шерсти и заодно для развлечения и большего тепла отослал ему на ночь рабыню Нимейру, в знак своего гостеприимства, словно кусок халвы на подносе.

Утром гость попрощался с хозяевами, а рабыне Нимейре кинул дешёвенький медный браслет с изображением льва и львицы.

От заезжего финикийского гостя понесла Нимейра свою будущую дочь, свою будущую копию, с рыжими волосами и зелёными глазами, Азамаху, и родила её без единого стога, легко и быстро. А лёгкими родами она обошлась потому, считала Нимейра, что тот медный браслет со львами стал её амулетом, от львицы, считала она, обрела силу женскую, а ото льва – силу духа. И перед тем, как отойти в вечность, Нимейра сняла со своей руки и надела на запястье Азамахи браслет, который должен был придать её дочери женскую силу львицы и силу духа льва.

Теперь Азамаха заметила, как красив медно-красный браслет на фоне зелёного блестящего шёлка платья, не могла отвести глаз от своего изображения в зеркале, и думала, что когда окончится война, она выйдет замуж и никогда-никогда не снимет амулет, который приблизит её ко львам.

Азамаха и мысли не допускала, что война может не кончиться или кончиться плохо для иудеев. Да, три года назад пал Иерусалим под ударами войска императора Тита, в Иудее окончательно и полностью воцарилось римское владычество, тысячи евреев, попавших в плен, были вывезены в Рим и позорно проведены в цепях под триумфальной аркой. А тем, кто не пожелал такой участи, пришлось бежать в горы, горстке кананимов¹ – еврейских воинов, их жён, детей и пожелавших бежать с ними слуг, а всего воинов было 1000 человек. Они обосновались в древней крепости царя Ирода и держали оборону, поливая сверху римлян кипящей смолой и забрасывая их камнями. Римляне насыпали с западной стороны гору, доходившую почти до самого верха Масады, и за день успевали пробить в крепостной стене брешь, но за ночь евреи восстанавливали стену, и утром римлян снова встречал поток смолы и камней.

Пятнадцать тысячам хорошо вооружённых и обученных легионеров противостояла всего тысяча евреев, но в крепости было достаточно запасов продовольствия и воды благодаря хитроумным акведукам, подававшим воду из двух ближайших ручьёв.

Азамахе было всё равно, кто правит Иудеей, еврейские цари или римляне, она всегда считала, что её положение в доме Элизера Бен Яира не зависело от высшей власти. Если победят римляне, значит, их станет ещё больше на улицах Иерусалима, вот и всё, что она понимала в войне.

Мимо пробежало несколько кананимов – еврейских воинов, они спешили в сторону главной площади крепости, а со стороны лагеря римлян донёсся ровный гул от шагающих во множестве ног и скрип телеги, на которой воины тащили наверх по насыпи таран.

Со всех сторон гора Масада неприступна, высота её – тридцать метров от земли, по восточному склону вьётся узенькая почти отвесная «змеиная тропа», отсюда крепость взять невозможно, но римляне расположились лагерем с западной стороны, более пологой, и с той стороны соорудили насыпь до самой вершины Масады.

Подул сильный ветер и в воздухе закружились тонкие, почти невесомые частички гари. «Что-то произошло» – тревожно подумала Азамаха и поспешила домой. У дверей её встретила старая Шула, которая, раскачиваясь от горя и плача, рассказала, что римляне тараном пробили внешнюю каменную стену и подожгли внутреннюю деревянную. Стена пылает, и вскоре враг будет здесь. Всё кончено, причитала Шула. «Элизер собрал на площади воинов и держит речь», – сообщила она, – «лишь три десятка храбрецов отбивают пока вход в крепость, им помогает огонь горячей стены, но скоро она прогорит и...».

Внезапно Шула перестала плакать и поманила к себе Азамаху корявым иссохшим пальцем.

– Послушай, девочка! Там, в развалинах дворца царя Ирода, есть тайный вход в его сокровищницу, о которой говорила мне мать. Я сказала Элизеру, что мы можем все сдать в плен римлянам, а потом за эти сокровища выкупить себя из рабства, так позволяет римский закон.

– И что?

– Он ответил, что убьёт меня, если я кому-нибудь скажу об этом.

Шула вновь зарыдала.

Азамаха, оставив плачущую старуху, бросилась на площадь.

Там скопилось много народа, в центре мужчины, а женщины, державшие на руках детей, позади. Элизер стоя на возвышении и, протянув правую руку в направлении людей, говорил громко и внятно, так, чтобы каждое слово было понятным и доходило до собравшихся.

– Евреи, мы свободный народ, – говорил он, – ибо нет над нами иного господина, нежели Всевышний. Нет и не должно быть никого, кто мог бы управлять нами, нежели наши цари и сам Господь Бог над ними. Римляне пришли на нашу землю в числе многих легионов, пять месяцев воевали за наш Святой Город и взяли его, когда там окончилась еда и люди стали умирать от голода, и разрушили Храм наш и глумились над нашими святынями. И тысячи тысяч наших братьев и жён иудейских увели в плен и подвергли глумлению и продали их в позорное рабство язычникам. Разве вы хотите такой участи, евреи?

И толпа загудела: «Нет!»

И Элизер продолжил.

– Нас только тысяча воинов собралось здесь, и пятнадцать тысяч вооружённых и закалённых в боях римских воинов, два легиона, за которыми стоит мощный Рим, а нас только горстка. Но мы выстояли

тысячу дней, столько же, сколько нас всего, по дню на война. Три года мы держались тогда, когда к римлянам подходили все новые силы, а наши только таяли. И вот настал день, когда сопротивляться стало бессмысленно. Но разве мы покрыли себя позором, разве не показали пример мужества и стойкости, разве нам стыдно за себя, евреи?

И толпа загудела: «Нет!».

И Элизер продолжил.

– Через два часа враг будет здесь, будет насиловать и бесчестить наших жен, а детей уведёт с собой и продаст на базаре язычникам, и они будут рабами, и забудут свою кровь и святую веру. Но я знаю, как спасти нашу честь и не дать врагам торжествовать над нами. Идя сюда, мы были готовы к смерти, примем же её сейчас, ибо лучше смерть, чем позорное рабство. Римляне не проведут нас в цепях под триумфальной аркой, войдя в Масаду, они застанут только мёртвых её защитников и женщин. Готовы ли вы, евреи, умереть, но не достаться в виде добычи врагу?

И толпа загудела: «Нет!».

И Элизер продолжил.

– Наша вера запрещает нам самоубийство. Потому я решил так. Каждый воин своим мечом заколет свою жену, детей и слуг. Потом десять воинов, отобранных по жребию, заколют всех остальных, а один из них, выбранный по жребию, убьёт девятерых, а сам покончит с собой. Мы сожжём все наши одежды и утварь, чтоб она не досталась врагу как добыча, но оставим запасы продовольствия и воды, чтобы враг знал, мы умерли не потому, что у нас кончилось продовольствие, а потому что не хотим дать им насладиться победой. Мы умрём сейчас, не рабами, а свободными людьми. Вы согласны, евреи?

И толпа загудела: «Нет!».

– Несите глиняные таблички для жребия, – крикнул Элизер.

Азамаха стояла поражённая. Вот как, значит, окончится её жизнь, не будет ни свадьбы, ни возвращения в родной Иерусалим, о котором она так мечтала. Ещё полчаса и её поразит меч, разорвет её одежду, а потом кожу, проникнет в сердце. Это больно? Будет очень больно?

Но ведь она не еврейка! Почему она должна умирать? Это их, еврейская война, это они хотят лишиться римлян законной добычи, а она берберка. Какое её дело до их чести? Через три новолуния ей исполнится семнадцать лет. Разве это возраст для смерти? Римляне лично ей ничего не сделали, они захватили столицу Иудеи, но она не иудейка, не еврейка, ей всё равно, кто правит в Риме, кто в Иудее. Она просто хочет получить вольную, обещанную ей госпожой, и выйти замуж за свободного человека, как обещала Наама. А теперь из-за принципа чести евреев она должна умереть? Как это несправедливо!

Элизер руководил сожжением имущества обитателей крепости, велел засыпать камнями ход в сокровищницу царя Ирода, золотые и серебряные слитки, драгоценные камни не должны достаться врагу. Засыпать так, чтобы не было видно, что там был вход. Запасы еды снесли на площадь: смотрите, римляне, мы здесь ни в чём не нуждались, кроме нашей свободы!

Затем он отправился в свой дом, где ждали его беременная жена и дети.

Наама встала при его приближении.

Он посмотрел ей в лицо, опухшее от беременности.

– Прости меня, Наама.

– Мне не за что прощать... старшие дети, они...

– Да.

– Коли меня прямо в живот, чтобы одним ударом... Иначе, я умру, а ребёнок ещё будет мучиться внутри меня...

– Да. Так будет правильно.

Они обнялись, и Элизер нежно поцеловал жену.

Она прижалась к нему всем телом, потом отстранилась, выпрямилась и закрыла глаза...

Азамаха сбежала с площади и забилась в угол между стеной заброшенного дома и каменным парпетом, ограничивающим обрыв плато Масады. Её тошнило от страха, от запаха крови, доносившегося из всех дверей, от стонов умирающих женщин и пронзительных криков детей. Она вся тряслась и повторяла, словно уговаривая себя: «Я не еврейка, я не должна умирать с ними, это не моё дело, не моя война».

Внезапно она сообразила, что находится в ненадёжном укрытии, римляне легко найдут её тут. Надо спрятаться в доме Элизера, в дальней части есть маленькая кладовка, куда сбрасывали ненужные старые вещи. Может быть, солдаты не заметят неприметную дверь.

Азамаха пробежала через двор, стараясь не глядеть на мёртвые тела, распостёртые на залитых кровью плитах, и вбежала в дом. Вот эта низенькая тёмная дверца, её почти не видно. Азамаха влетела внутрь, закрыла за собой дверь и села на опрокинутый вниз горлышком кувшин, обхватив голову руками.

Когда всё кончится, она выйдет ночью, сейчас светит полная луна, и она легко найдёт выход на змеиную тропу, спустится вниз и пойдёт искать людей, а что будет дальше, не важно. Лишь бы остаться в живых.

Когда римские солдаты, извергая рёв из тысяч глоток, в восторге и упоении победы, ворвались на плато Масады, их встретила грубовая тишина. Лишь налетавший порывами ветер из Иудейской пустыни метался между тридцатью семью сторожевыми башнями крепости, издевательски завывая и хохоча. Двери всех домов были открыты, но дома были пусты. На главной площади лежали тела иудейских воинов, но следов борьбы не было видно, то, что гибель их была добровольной, не оставляло сомнений. Во дворах лежали тела женщин и детей.

Открыто и насмешливо на главной площади высилась гора сушёного мяса коз, фрукты и глиняные кувшины с зерном. В каменных цистернах была вода.

Более никакой добычи – ни будущих рабов, ни красивой одежды, ни золотых украшений, ни дорогой утвари. Лишь на восточной стороне огромное пожарище, где слились в единый запёкшийся, чёрный от копоти ком бронзовые блюда, покорежённые меноры, медные застёжки сторевшей одежды, источавшие дурной запах обгорелые остатки кожаных сандалий и даже женские щипчики для удаления лишнего волосков.

Потрясённые и растерянные, солдаты разбрелись по Масаде в надежде отыскать хоть какую-нибудь мелочь, чтоб принести её в качестве законной добычи своему полководцу Флавиусу Сильва, но её не было.

Азамаха напряжённо прислушивалась к тому, что происходило снаружи, вне её маленького убежища. Она слышала топот ног римских солдат, обыскивающих дом, их недовольные возгласы и грубую речь. Рождённая уже в эпоху римского владычества в Иудее, она хорошо понимала латинское наречие, столь отличное от иврита. Вот уже уходят, подумала было она, когда дверца в кладовку распахнулась. Солдат заглянул внутрь. Азамаха почувствовала крепкий отвратительный запах мужского пота.

– Здесь ничего нет, – крикнул он.

Второй солдат заглянул тоже.

– А вон там куча тряпья, гляди, – сказал он.

Он подцепил копьём старые вещи, под которыми забились Азамаха, и стащил их с неё.

– Гляди, девка!

От ужаса Азамаха не могла даже вскрикнуть.

– Вот это да! Хоть что-то нашли. Наша добыча. Наверно, служанка. Сейчас мы её...

– погоди, – сказал первый солдат. – Тут что-то не то. Видишь, как она роскошно одета? Платье из настоящего шёлка, так слуг не одевают. Ворот расшит жемчугом. На руке браслет с красивым рисунком. Не простая девка. Наверное, она любимая дочь военачальника, и он спрятал её здесь. Ведь это дом самого Элизера Бен Яира. Её надо отдать Флавиусу. Дочь побеждённого полководца принадлежит полководцу-победителю.

«Какое счастье, – подумала Азамаха, – какое счастье, что Наама подарила мне это платье утром, а я не успела его снять». Это платье спасло ей жизнь. Она прекрасно знала, что было бы с ней, если бы не дорогой наряд. Солдаты изнасиловали бы её, а потом закололи копьём. Но сейчас они отведут её к своему начальнику и скажут, что она дочь Элизера. Это шанс спасти свою жизнь. Дочь побеждённого полководца не может быть отдана солдатам, её отвезут в Рим, закуют в цепи и снова продадут в рабство, но дорого, как знатную женщину, а это шанс на жизнь. И купит меня не простой гражданин, а человек богатый, у простого не хватит на меня денег. А дальше будет то, что подарит мне судьба. С её красотой возможно ещё получить вольную, выйти замуж за свободного человека. Придётся пройти через это жуткое унижение, когда её будут провозить под аркой, но она вытерпит его, всё вынесет, главное – остаться в живых. Да, сегодня утром моя госпожа своим подарком спасла меня.

Азамаха выпрямилась и дерзко взглянула на солдат.

– Я Азамаха Бат Элизер, – сказала она.

Три года, три года, тысячу дней, два отборных легиона, закалённых в боях, осаждали эту крепость, теряли своих людей, а в результате шпик, ноль. Кого протащить в цепях под Триумфальной аркой, трупы на повозке? Смешно, весь Рим будет потешаться над ним, думал Флавиус. Ни рабов, ни золота, ни еврейских менор, как символов побеждённого народа. Когда пал Иерусалим, император Тит провёз на повозке огромную двухметровую менору из чистого золота, и ещё четыре повозки, доверху гружённые золотыми изделиями, серебряной посудой, шёлковыми тканями и специями, награбленными в Иерусалиме, народ просто ревел от восторга. А что провезёт он?

Нет, ему даже нельзя садиться на белого коня и возглавлять триумфальную процессию, это стыдно. Вся добыча – дочь побеждённого полководца. Хорошо, хоть это нашлось. Но не сам полководец, как надо было бы для нормального триумфа. Ни его приближённых, ни его войска.

А народ требует зрелища, народ требует добычи, граждане Рима хотят знать, на что тратились их налоги в течение трёх лет.

Что делать? На коня нельзя садиться, начальник двух легионов на белом коне с плюмажем ведёт за собой всего лишь девку. Позор! Какой позор.

Правда, результат есть: Иудея пала окончательно, взятие Масады завершило Иудейскую войну. Война длилась семь лет, расходы, потери в живой силе, а он её закончил. Да, вот это его заслуга, нельзя было оставлять в сердце Иудеи этот непокорённый клочок горы. Оттуда снова распространилась бы зараза неповиновения. Но если учесть, что вся Иудея по сравнению с могучим Римом тоже крохотный клочок земли, чем гордиться? И без трофеев что за триумф? Какой стыд!

Можно, конечно, вообще отказаться от триумфа, это его законное право, но тогда не будет поставлена законная точка в Иудейской войне, война не получит традиционного завершения, будет считаться как бы продолжающейся, то есть римляне не будут признаны победителями. А этого нельзя допустить. Нет другого способа объявить свою победу. Проклятые евреи, как они подвели его! В какой угол они его загнали! Единственный выход – не садиться на коня, установить около Триумфальной арки высокий помост, на котором он будет восседать в кресле, принимая почести и провезти под аркой эту... как её... такое варварское имя, он никогда не мог запомнить имен этих дикарей.

С утра на улицах, ведущих к Триумфальной арке, начал собираться народ. Рабы тащили кресла и опахала, устанавливали поудобнее, грызлись между собой за места, ведь потом, когда придут их господа, они могут наказать за малейшую провинность. Граждане попроще располагались на ступенях домов, мальчишки висли на деревьях. Между рядами людей сновали водоносы с кувшинами воды, бедняки на подносах разносили сладости в надежде заработать на дневное пропитание для своих детей.

Для Флавиуса Сильвы был установлен отдельный помост, покрытый красными коврами, по четырём углам украшенный золотыми кистями, на нём резное кресло из ливанского кедра.

Солнце вздымалось всё выше, стало припекать, показались носилки, на которых слуги несли важных римских матрон, богатые граждане разыскивали свои кресла, установленные с утра рабами, толпа радостно гудела в предвкушения развлечения и удовольствия.

Флавиус со вчера раздумывал, стоит ли пустить впереди повозки со своей жалкой добычей ликторов со связками лавровых прутьев и трубачей, но всё-таки решил, что толпа может не одобрить отступление от традиций.

Сейчас они сидел в своём роскошном кресле, мрачно глядя перед собой, ожидая, когда закончится этот праздник для толпы и мучение для него.

В конце концов за прошедшими ликторами и трубачами, возвещавшими о победе, показались быки, влекущие за собой позорную повозку поражения. Азамаха стояла в ней, прикованная цепями к двум копьям, которые держали по сторонам от неё солдаты. Её зелёное шёлковое платье разорвалось на плече и сползло вниз, но она не могла его поправить. Грубая цепь на правой руке прижимала к запястью её амулет, браслет со львами, который, как она верила, спас ей жизнь, приваёк счастливую долю, не дав снять дорогое платье, благодаря чему она приобрела новый статус дочери знатного человека. Недаром мать сказала ей перед смертью, что этот браслет посвятит её львам.

При виде дочери поверженного врага толпа возбуждённо загудела. Вот символ покорённой Иудеи, мелкой, ничтожной страны, посмевшей сопротивляться! Крупные государства покорялись великому Риму и жили под ним. Разве Рим плохо ими управлял? Разве угнетал их, запрещал исповедовать свою религию, навязывал свой язык, свои традиции? Такое гуманное правление в их же, варваров, интересах только поискать. Неблагодарные!

Но вот она, юная, красивая еврейка, здесь, на повозке поражения, символ покорности, в разорванном платье, а её отец убит. Правда, по Риму ходят гнусные слухи, что он убит не славными солдатами легионов, а покончил с собой, и все остальные тоже умерли не от римских копий и мечей, а убили друг друга, и своих жён, и сожгли свои ценности, лишь бы не дать Риму вкусить сладость победы. Как же ненавистны им эти евреи!

Толпа возбуждалась всё больше и больше.

Простолюдины, проталкиваясь через передние ряды почтенных граждан, старались подойти поближе к повозке, чтобы разглядеть Азамаху и крикнуть ей в лицо что-нибудь обидное. Пожилых матрон поразила и разозлила её красота, вместо мускулистых обнажённых воинов с цепями на руках и шее, они должны лицезреть эту девку, такую стройную, словно зелёное деревце весной.

– Дочь шакала, смерть тебе! – крикнул кто-то.

– Твой отец Элизер валяется сейчасдохлый, твоя мать Наама лежит со вспоротым животом, всем вам пришёл конец, подлые евреи, – кричали в лицо Азамахе со всех сторон.

Мальчишки принялись швырять в неё огрызки яблок и мелкие камни. Прикованная к копьям, Азамаха не могла прикрыться руками, в неё полетели плевки, и кусок пережёванной чесночной лепёшки ударил её по лицу.

Поднялся всеобщий громкий смех.

– Так будет со всеми евреями, мы уничтожим вас, ненавистное племя! – доносилось до неё.

– Твой отец шакал, твоя мать еврейская шляхола!

– А где твои братья и сестры, ведь у твоего отца была куча детей, тоже валяются дохлаые? Хорошо, хоть тебя доставили к нам, чтобы позабавить честных граждан Рима.

Грязные ругательства, оскорбления, сыпались на Азамаху со всех сторон.

Невольно она выпрямилась, чтобы противостоять крикам, не показать своего страха и обиды.

– Вы только посмотрите на эту гордую еврейку, дочь полководца, её везут в кандалах, на потеху и утешение Риму! Слава великому Риму, смерть подлым евреям, – слышалось из толпы.

И тут Азамаха вскинула голову и закричала так громко, как могла:

– Нет, я не дочь полководца, я не дочь храброго Элиззера, я рабыня, незаконнорождённая, дочь одной ночи, вот и вся ваша добыча, гордые римляне! Вы торжествуете победу над жалкой рабыней! Я не еврейка, посмотрите на мои рыжие волосы и светлую кожу! Разве такие бывают у евреек, смуглых и темноволосых? Я берберка, рождённая вне брака, плод похоти, моя мать была взята без её согласия проезжим чужеземцем! Славная добыча для вашего триумфа! Ни одного пленённого еврейского воина вам не досталось, ни одной честной еврейской жены, только бесплеменная рабыня. Я смеюсь над вами!

Солдаты, державшие копьё, к которым была прикована Азамаха, растерялись. Толпа ошеломлённо и грозно загудела. Один из ликторов бросился к Флавиусу сообщить о происходящем.

Азамаха продолжала кричать.

– Два легиона лучших воинов осадили иудейскую крепость, чтобы захватить в плен одну незаконнорождённую рабыню. Три года осады, чтобы получить такой жалкий плод победы, как я. Позор вам, римляне! Позор! Ваша победа ничтожнее поражения! Победители не вы! Победители там, мёртвые, на своей родной земле, в несдавшейся Масаде!

Флавиус, багровый от гнева, наливался злобой, слушая ликтора, и вскочил на ноги:

– Смерть ей, этой девке! В клетку её киньте, ко львам! Мои домашние львы давно не ели свежего мяса. Ко львам её!

Солдаты подняли копьё, и Азамаха повисла на них, на цепях, но продолжала кричать и ругать римлян, и смеяться над ними.

Её так и понесли на копьях, а она изгибала спину, чтобы не выглядеть склонённой, и зелёный шёлк струлся по её телу и развевался, как знамя, и сверкал на солнце, а солдаты поднимали её всё выше и выше, и она плыла над толпой туда, в конец колонны, где везли на другой повозке клетку со львом и львицей, купленными Флавиусом у марокканского торговца по дороге из Иудеи на потеху своим домочадцам и приглашённым на празднование победы гостям.

¹ Золоты (греч. Ζηλωτές, «ревнители, приверженцы» – перевод слова ивр. **זֵלָעִי**, *канаим*).